

Мать

1

В небольшой комнате рабочего поселка, в двух километрах от г. Горького, висят носки в подарок сыну — мать. Ласково улыбаются губы седой женщины. Из под очков смотрят необыкновенно живые и умные глаза. Серебристые пряди волос спадают на лоб. Вся она кажется еще бодрой, жизнерадостной, почти крепкой.

Анна Кирилловна Заломова сохранила прекрасное сердце, чувство радости жить в стране, превратившей о жизни идеалы любимого сына, идеалы ее самой.

Ей 85 лет. У нее 18 внуков и 12 правнуков.

Ей посчастливилось самой прочитать книгу о своем сыне, о себе, написанную великим писателем пролетариата.

В 1907 году — в убогой деревянной церкви окрайны Лондона, на сессии РОДРП состоялось знакомство **В. И. Ленина с Горьким**. «Потирая одной рукой софратовский лоб, держа другой мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать». Оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у Ш. П. Ладьяжниковой. Я сказал, что торопился написать книгу, но не успел объяснить, почему торопился. Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я посвятил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочтают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент». (М. Горький «В. И. Ленин»).

«Мать» — стала любимой книгой рабочего класса всего мира. Уже по выходе первых трех сборников «Знания», содержащих первую часть «Матери», С.-Петербургский комитет по делам печати, наложив на сборники арест, обратился 3 августа 1907 года к прокурору С.-Петербургской палаты с просьбой возбудить судебное преследование против Горького по обвинению его в распространении сочинения, побуждающего к совершению тяжких пре-

долощего и совершению тяжких преступных деяний, вражды со стороны рабочих и имущим классам населения, подстрекательского к бунту и совершению бунтовщических деяний, а также в кощунстве.

Мы знакомимся очень просто. Она говорит о себе с удивительной доброй улыбкой необыкновенно сердечного и скромного человека....

— Я сама читала «Мать» еще давно. Слышать и мне довелось, что про меня, да про сына тему взял писатель. Когда Петр в тюрьме сидел — обещ он посыл ему, каждый месяц деньги присылал..., заботится о нем Алексей то Максимыч....

Мы просим Анну Кирилловну рассказать немного о себе.

Но и здесь — все рассказы прежде всего о сыне, о его характере, выдержке, пережитом.

— Он такой упорный — сын то... 1 мая в Сормове на демонстрации сот до пяти народу то было, а арестовали пятерых. Дертева да Мойсеева-студентов, Петра, Самылина — слесаря, да еще кого то, уж я не помню....

Второго я пошла к дочери, узнать, что с сыном... Он у ней тогда жил, а какая то женщина встречается.

— Куда идешь? — «А слышала, говорит, заводилу-то главного, который со знаменем был, на штывки говорят, подняли... Мало ему: его бы убить тут надо».

А я и говорю — неправда это. — Он — мой сын, жив он и плохого людям ничего не сделал....

Она как присела, а я ей:

— Что вы испугались, я вам ничего не сделала....

Вспыхивают большим и чудесным блеском глаза рассказывающей матери.

— В партию то Петр с пятнадцати лет вступил.... Ему тогда еще говорили: «Смотри, ждет тебя или виселища, или расстрел». А он не побоялся. Судили их, выслали всех на поселение — в Енисейскую губернию, в село Маклазовку. В третьем году выслали, а потом он бежал из ссылки... В пятом году в Москве на баррикадах участвовал.

Потом в Кострому уехать пришлось, там пять месяцев жили, потом в Суджгу... Жена у него — учительница. Антоном Федоровичем назывался..., под другим именем жил сын мой.

— А сами вы в революционном движении участвовали?

— Было дело. В 99 г. или в девяностом ездил я в Иваново-Вознесенск... Возила прокламации. Несколько тысяч листовок Петр посылал. Хотели брата послать, да я забоялась....

— Давайте лучше я свезу... У ткачей сбавка жалованья тогда была... Так надо было прокламации послать.

Я хорошо еще все это помню. Взошла в переулок. Дама какая то на крыльцо вышла... Я на двор прошла, там еще плотники работали. Вдруг из подвала женщина средних лет бросилась ко мне:

— Вы Анна Кирилловна? — и давай меня целовать.... «Пойдемте, пойдемте скорее». Чаем еще меня угощала... Уговаривала погостить. Потом молодой ткач пришел... листовки то и забрал....

— Помогло ведь, — улыбаясь говорит Кирилловна... — Добились тогда ткачи своего....

А то из Печер в Сормово в ведре листовки возила. Капусту сверху положила — будто капусту везу. Стала садиться — а мне говорят — куда с ведрами лезешь — капусту что ль в Сормове нет? а я отвечало — такой нет, это у меня особая....

Потом в 902 году на Ковалихе фельдшер жил Иван Павлович. Надо было знамена перевезти от него в Сормово... Пришла к нему... Ушла в спальню, обертела их под кофту вокруг себя. Вхожу... А он спрашивает —

— Что же вы знамена то позабыли?

— Нет, говорю, Иван Павлович — я не забыла.

Провезла, ведь, благополучно...

— Любите сына, Анна Кирилловна?

Ну и чудак! Как же матери сына не любить? Вот я тебе расскажу, какой у меня сын... Судили его в окружном суде... А потом в острог посадили... И свидания никому не давали. Они решили голодовку объявить. Которые только не ели, а он очень упрям — и не шил...

Прихожу раз в тюрьму, сторож и говорит — зря ходишь — нет сына... В больницу его отвезли... Вряд ли живым застанешь.

Попла я в больницу. Помощника прокурора просила, самого прокурора прислала:

— Попадите, неужели умирающего сына нельзя видеть матери? — У вас собачка заболеет — так вы доктора зовете...

Сам, говорят, того достиг.

Вышла на улицу — сил нет: упала я... Собралась толпа... Дайте говорю, бога ради, стакан воды... принес один добрый человек.

А полицейский гоит: уходи — уходи, не валяйся здесь.

Хожу около арестантских рот. Потом на хитрость решилась... Спрашиваю, — где фельдшер живет....

— Вот, говорят, во флигеле...

Взошла... Выходит молодая женщина. Лицо доброе. Спрашиваю: «Сын у меня Петр, жив ли?»

— «Видно удачливы вы, — говорит, — едва отходили в больницу его»... Обрадовалась я страшно...

В комнате, где мы разговариваем, сидит Ирина, правнучка Кирилловны. Около нее — кукла, сделанная заботливыми руками восьмидесятипятилетней женщины...

Мать рассказывает там замечательные страницы своей увлекательной биографии. Ласково и тепло говорит она о писателе Горьком, которого знала еще лет шестидесяти. «Шустрым был, Лена-то... все книжки читал, да по-немецки учился. Бывала я у Капиринных-то в кра- сильне не раз»....

Мы интересуемся здоровьем Анны Кирилловны. «Силы упали... а так ничего. Книжечки почитать люблю. По старому то прех, да я в грехи то не верю... Оверстники меня за это упрекают... Вот сейчас поговорила с тобой — молодым и сама молодой сделалась»....

Оказывается, только на днях Анна Кирилловна прочла «Паталю Гаршюву» С. Семенова. И когда мы, прощаясь, уходим, она сует мне в руки теплые вязаные носки и говорит, ласково улыбаясь: «Передай Пете, сынок... — в подарок. Скажи ему, что люблю и помню»....

Гор. Горький.